

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 413 E. 14th St., New York. N. Y.

СССР СТРОИТ ПОЕЗД - МОЛНИЮ

МОСКВА, 28 мая. — Этим летом будет здесь построен поезд молния, который будет развивать скорость в 124 мили в час.

Испытания его будут происходить на 35-мильном пролете Москва - Ногинск. Поезд будет электрический. Колеса будут шарообразными и будут передвигаться по рельсам с выемками. Вагоны будут цилиндрическими.

Изобретатель этого поезда — Григорий Ярмольчук.

ПОЛЕТ БУЛЛИТТА НА ЮГ РОССИИ

МОСКВА, 28 мая. — Американский посол Виллиам Буллитт вылетел сегодня на юг России, где он намерен провести десять дней.

Аэропланом управляет помощник военного атташе американского посольства Томас Вайт. Первой их остановкой на пути в Симферополь будет Харьков.

ШВИЦ ПРИЗНАЕТ ШПИОНАЖ В ПАНАМСКОМ КАНАЛЕ

ПАРИЖ, 26 мая — Защитник Швица признал, что его подзащитный был в 1932 и 1933 гг. в Панамском Канале, был принят панамским президентом и высшими военными властями и собирал там секретные военные сведения

Тень писателя Гоголя

РАССКАЗ.

Старые наборщики, особенно ручного набора, живут в Москве такою же колонией, как правозаступники, врачи и художники. Ручной набор, как хирургия и актерское искусство, останутся у человечества навсегда. Русской набор — это конечно искусство. Каждый наборщик перенабрал, а стало быть, и перечитал, такое количество истин и абзацев, что Гоголь был прав, рассказывая и утверждая, как, когда набирался его «Мертвые души» и наборщики весело хохотали над ними, — как этот наборщицкий хохот был лучшей критикой для Гоголя, вернейшей и убедительнейшей. Известно: повара (тоже люди искусства) презируют ресторанные сладости.

Жил да был в Москве артистический род, пропахший нафталином степенности. Мать была провинциальной актрисой ныне, в отставке, организовавшей некогда Русское театральное общество в Тифлисе. Дочь играла классические роли в академическом Малом театре. Муж дочери был правозаступников и степенным театральным критиком, сотрудником академических изданий.

В этот артистический дом позвонили однажды. Театрального критика спрашивал — актер Волжанин-Бурлак. Театральный критик, выходя к посетителю, рылся в памяти: «Волжанин-Бурлак?.. Бурлак? — провинция, семидесяте годы?.. откуда, помню?».. Перед театральным критиком стоял бритый старик, актер, в аккуратной толстовке, со старомодною цепочкой от часов.

— Волжанин-Бурлак, Василий Павлович, провинциальный актер, — сказал посетитель так, как говорят знаменитости.

— Как же, как же!.. — ответил критик. — Откуда вы!? — пятнадцать лет революции...

Все же критик оставил на минуту гостя, чтобы справиться у женной матери, о том, кто такой Волжанин-Бурлак. «Волжанин-Бурлак! Батюшки, у тебя жила!?» — воскликнула мать. — Как этот актер волновал сердца всей провинции... но сколько ж ему лет!? Я еще институткой в Казани...» — старуха не договорила, побежала к гостю.

— Василий Павлович, ну, как же, как же!.. девочкой, еще в институте, я слышала на балу у казанского генерал-губернатора, как вы читали апухтинского «Сумасшедшего», — как вы читали!.. Вы не помните, конечно, — мы играли с вами, в Тифлисе, в Обществе, — вы играли Фамусова, а я Лизу... помните Бетхудовых?!

— Катерину Ивановну с Нодаром Акакиевичем?

— Ну да! ну да! — лицо старухи засияло счастьем воспоминаний. — Но, простите, сколько же вам лет!?

Лицо старика ответило счастьем благодушия.

— Сто один голок, сударыня! — весело ответил старик.

Старик чрезвычайно сохранился, — ему не было больше семидесяти. Актерская профессия не позволила ему сгорбиться, его зубы были целы, и он никак не шепелявил, водка лишь да долгое стояние на сцене переродили его ноги в плескоступье. Это был знаменитый, знаменитейший провинциальный актер второй половины девятнадцатого века, знаменитый актер и легендарный, как бывало только у актеров, самодур, ко-

гда их самодурство сходило им с рук за счет их артистизма. Часа на полтора в квартире критика, за чаем с печеньями и за стаканом вина с яблоками, поселилась российская театральная провинция шестидесятых, семидесятых, девяностых, девятисотых годов. Это была живая хронология. «Владимир Николаевич Давыдов, — Володя, — а вы знаете, что в Казани он начинал с оперетки», — «Вася Качалов, он же студент Шверубович, — Саратов...» — «Бетхудовы, бал на святом Давиде...» — Наместник? — как же, как же!..

Старуха перебила Волжанина-Бурлака, сказала критику:

— Ты знаешь, Лёвочка, что наделал в Тифлисе Василий Павлович!? — расскажите, расскажите!..

— А мы загуляли с грузинскими князьми, день пьем, два пьем из рогов, и надоело нам пить одним, и выяснилось, что двое приятелей у этих князей сидят — один на гауптвахте, а другой — хуже, в Метехском замке. Я и сказал за перепоя мом князьям, что могу через час доставить этих друзей сюда в «Симпатию», так назывался духан, в котором мы одни пили, выгнав остальных посетителей. Пошли на пари. Я потребовал от князей лихую тройку, помчал в театр, задерживался наместником, падел костюм и — в Метех на тройке. Коменданта! — Отпереть ворота! — Прошел к князю. Одеваться! — за мной! — Вместе с этим князем заехал на гауптвахту. Князья, надо сказать, ни живы, ни мертвы. Я молчу и еду с ними в «Симпатию». Двое суток еще пили, а потом я сам отправился в Метех, но сидел всего тоже двое суток, наместник освободил за остроумие.

Театральный критик хохотал и вспоминал, как некогда он читал об этом эпизоде у кого-то в артистических мемуарах. Часа через два Волжанин-Бурлак заперся домой и сказал цель своего визита: стар, много видел, грамотности нижесредней, хотел посоветоваться с критиком, как бы ему не похоронить в могиле его воспоминания, сам мемуаров написал, не сможет. Критик прикинул в голове, — «социальной базы в рассказах нет, придется проработать, но матерьял... можно будет взять стенографистку» — и критик сказал:

— Давайте проработаем вместе.

— Вот об этом я и хотел просить вас, голуба!..

Уговорились о времени и практике работы. Прощались друзьями. Критик был поражен бедностью старости. Уже на пороге парадного, совершенно отлично сыграв, объяснив, что пенсия будет только пятнадцатого, в совершенном актерском мастерстве Волжанин-Бурлак попросил займы, не указав суммы. О том, что Волжанин-Бурлак будет просить займы, критик знал в момент его прихода, — но дал ему половину своего бумажника, двадцать восемь рублей, с легким сердцем, в качестве аванса под работу.

Критик вышел из дома, чтобы потолкаться среди приятелей. Всем он рассказывал о поразительном визите, о поразительной старости и о той книге, которую он сделает. Старуха дома встретила его чрезвычайно недовольной.

— Этот твой визитер, — сказала она. — Он Давыдова называл Володей и говорил, что играл с ним в Казани... Играл с Давыдовым Волжанин-Бурлак, да не этот твой визитер.

В мемуарах Владимира Николаевича Давыдова сказано, что замечательнейший провинциальный актер Волжанин-Бурлак, не игравший на императорской сцене исключительно по своему самодурству, не создавший только поэтому себе мирового имени, умер в 1901 году, опиившись.

— А ты ему дал двадцать восемь рублей!..

Но у театрального критика — все же он любил искусство — загорелись глаза, он забегал в волнении по комнате с горящими и пустыми глазами, спрятанными в приятные мысли.

— В таком случае, в таком случае... это еще замечательнее, мамынька!.. У нас был сегодня гениальный человек, гениальный актер, который сыграл перед актрисой и критиком гениального Волжанина-Бурлака!.. и — как сыграл!.. это же еще замечательнее, мамынька!..

Дом артистического рода находился в одном из переулков на Тверской, неподалеку от типографии «Известий». Как-раз против переулка на Тверской была закусочная-пивничная. За мраморным столиком там сидели старики-наборщики, отдыхали, ели сосиски и пили пиво. Выигравший пари угощал и говорил от времени до времени:

— Это тебе не у Пастухова статьи писать об искусстве!.. — это тебе живой Гоголь!

Наборщики, собравшись иной раз в пивной в компанию или зашел друг к другу в гости, вспоминают «Московский листок» вместе с Пастуховым или Ивана Дмитриевича Сытина. Пастухов писал в московском своем «Листке» бесконечный роман «Разбойник Чуркин», — так долго писал его, что вызван был однажды вице-губернатором и услышал от вице-губернатора следующую речь: «Ты это что же, Пастухов, не признаешь авторитета полиции!? — полиция ловит-ловит твоего Чуркина и поймать не может!? — чтоб завтра, в воскресенье номере, твой Чуркин был пойман и передан суду!» — В воскресенье Чуркин был пойман.

Бор. Пильняк.